

Философия имени в художественном сознании С.А. Есенина¹

С.А. Серегина

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

«Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности»², – эти слова А.Ф. Лосева раскрывают центральные смыслы его одушевленного Логосом Космоса. Одновременно они могли бы быть эпиграфом к литературе русского религиозного модернизма, искавшего путей к обретению «магии слов» (А. Белый).

А. Белый видел в звуке «жест, на поверхности жизни сознания, – жест утраченного содержания»³, жест, указующий на то, какие «глубокие тайны лежат в языке»⁴. «Вспоминая» о духовной прародине – «древнейшей Аэрии» – Белый дважды цитирует в «Глоссолалии» стихотворение С.А. Есенина «Твой глас незримый, как дым в избе...»: «На крепких сгибах вздетых рук / Возводит церкви строитель звук»⁵. В этих строках Белый, очевидно, услышал отголосок собственных размышлений о том, что «в звуке слова – душа»⁶. Убеждение Белого в том, что

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01432).

² Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. С. 613–880; 617.

³ Белый А. Глоссолалия // Литературное наследство. Т. 111: Андрей Белый. Жезл Аарона. Работы по теории слова 1916–1927 гг. / Сост., подгот., вступит. статья и текстологич. справки и коммент. Е.В. Глуховой, Д.О. Торшилова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 824–925; 865.

⁴ Там же. С. 866.

⁵ Там же. С. 870; 919.

⁶ Белый А. Жезл Аарона (О слове в поэзии) // Литературное наследство. Т. 111: Андрей Белый. Жезл Аарона. Работы по теории слова 1916–1927 гг. / Сост., подгот., вступит. статья и текстологич. справки и коммент. Е.В. Глуховой, Д.О. Торшилова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 83–158; 100.

«одушевление данного мира в творимой действительности невозможно вне слова»⁷ оказало значительное влияние на философию имени Есенина⁸. Одновременно оно предвосхитило рассуждения А.Ф. Лосева о том, что «имя, раз оно дается, несет за собой интерпретацию предмета в смысле *одушевления*»⁹.

Соположение имен таких разных авторов, как А. Белый, С.А. Есенин и А.Ф. Лосев, может показаться несколько искусственным, однако оно помогает выявить важнейший императив русского эстетического сознания XX вв. – отыскать то средостение между словом и именем, где происходит «встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия»¹⁰.

Впервые *имя* как звуковой образ «подлинной сущности» возникает в известном стихотворении Есенина «Не бродить, не мять в кустах багряных...» (1916). Это стихотворение, отмеченное чертами яркой индивидуальной есенинской поэтики, написано под влиянием А.А. Блока. Здесь Есенин, усваивая блоковский язык символов и смыслов, соединяет идею вечной женственности со своей концепцией «узловой завязи природы с сущностью человека»¹¹.

Женский образ дан в своей природной конкретике: «сноп волос овсяных», «алый сок ягоды на коже», «запах меда от невинных рук» [1; 72]. Он неотделим от органического бытия природы, которое гармонизируется в оптике взгляда лирического я: «На закат ты розовый похожа / И, как снег, лучиста и светла» [1; 72]. О сверхреальном метафизическом всеединстве свиде-

⁷ *Белый А. Жезл Аарона (О слове в поэзии)*. С. 100.

⁸ См. об этом: *Серегина С.А. Образы поэтической утопии в творчестве Андрея Белого и Сергея Есенина // Соловьевские исследования*. 2015. № 3 (47). С. 116–129.

⁹ *Лосев А.Ф. Философия имени*. С. 820.

¹⁰ Там же. С. 628.

¹¹ *Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. Художественная проза / Науч. ред. Ю.Л. Прокушев; Сост., подгот. текстов и коммент. А.Н. Захарова, С.П. Кошечкина, Е.А. Самоделовой, С.И. Субботина, Н.Г. Юсова, 1997. С. 202. Далее произведения Есенина цитируются по этому изданию с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.*

тельствует всеединство природное: «Говор кроткий о тебе я слышу / Водяных поющих с ветром сот» [1; 72]. Однако явленная во плоти гармония бытия теряет свои телесные очертания и исчезает. *Женское* становится *софийным*, давая материи преобразование «через воплощение в ней другого, сверхматериального начала»¹² и становясь олицетворением идеального прообраза мира, плотско-символическим воплощением «светлой тайны»:

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
 Что была ты песня и мечта,
 Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи –
 К светлой тайне приложил уста. [1; 73]

Звуковая оболочка имени несет на себе следы «подлинной сущности» женского образа как живого символа и идеального прообраза мира. Истаивание этого имени, его исчезновение сопровождается физическим распадом – только что конкретная, *она* рассыпается, рассредоточивается:

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
 Имя тонкое растаяло, как звук,
 Но остался в складках смятой шали
 Запах меда от невинных рук. [1; 72]

«Имя тонкое растаяло как звук»: очевидно, оно «растаяло» после того, как было произнесено лирическим «я». Произнесение имени, наименование как «*софийное* конструирование»¹³ являет в реальность женский образ, принадлежащий «песне», «мечте», «тайне», «сну» («Отоснилась ты мне навсегда» [1; 73]. Однако его реальность и явленность краткосрочна, как любое символическое и мистическое откровение.

Новый виток философия имени получает у Есенина в революционный и пореволюционный период. В это время Есенин, входит в т.н. *скифский круг* писателей, в центре которого

¹² Соловьев Вл.С. Красота в природе // Сочинения: В 2 т. / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; Примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 351–389; 358.

¹³ Лосев А.Ф. Философия имени. С. 793.

были Р.В. Иванов-Разумник и Андрей Белый. У скифов вызревал миф о крестном пути русской революции: от социальной революции к революции духа¹⁴. Авторский миф Есенина в это время – это миф о себе как о пророке («Так говорит по Библии / Пророк Есенин Сергей» [2, 61]) и о теурге, участвующем мистерии рождения нового мира¹⁵.

Произведения 1917–1919 гг. образуют метатекст, объединенный общими сюжетными линиями и системой образов. Смысловое поле этой системы сформировано пониманием витальной органической природы слова. Эту мысль на языке философии позднее раскроет А.Ф. Лосев: «Слово живет не только как физический и неодушевленный процесс, но и как живой, растительно-животный организм»¹⁶. Образы слов как «животно-растительных организмов» входят в есенинский миф о жизнотворческой природе поэтического слова. Слова растут на пашнях и полях, расположенных в трансцендентном духовном пространстве: «В незримых пашнях растут слова» (*Твой глас незримый, как дым в избе*) [1; 102]; «Мудростью пухнет слово, / Вязью колоса поля» (*Преображение*) [2; 55]. Слова «расцветают» звездами – характерный для пореволюционного Есенина образ слиянности космического и земного:

То сучья золотых стволов
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
(*«Душа грустит о небесах...»* [1; 138])

¹⁴ См. об этом подробнее: Серегина С.А. «Животворные ключи “Нового Назарета”»: к истории «скифского мифа» русской литературы // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: «Индрик», 2018. С. 456–475.

¹⁵ См. об этом подробнее: Серегина С.А. Теургическая эстетика в творчестве Н.А. Клюева и С.А. Есенина // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века: К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 2). С. 362–378.

¹⁶ Лосев А.Ф. Философия имени. С. 660.

Слова – это плоды небесных деревьев. Попадая в земное пространство, они самой своей эйдетической природой свидетельствуют о небесной родине:

Шумит небесный кедр
 Через туман и ров,
 И на долину бед
 Спадают шишки слов.

Поют они о днях
 Иных земель и вод,
 Где на тугих ветвях
 Кусал их лунный рот.
 («Октоих» [2; 43])

Слова образуют радугу на небе – арку, открывающую дверь в инобытие – «Инонию»: «И чуется зверю / Под радугой слов: / Алмазные двери / И звездный покров» («Отчарь» [2; 37]).

А.Ф. Лосев утверждал: «Для всякого человека есть всегда такое, что не есть ни число, ни качество, ни вещь, но миф, живая и деятельная действительность, носящая определенное, живое имя»¹⁷. Для Есенина таким именем в пореволюционные годы была *Инония*. Инония – это не только название библейской поэмы 1918 г. Инония – это утопическая реальность библейских поэм, «незримый город», «чертог», «град, где живет Божество живых», град, располагающийся на «бездонном вытяже» [2; 62], т.е. в некоей трансцендентной реальности, которую Есенин постигает через визионерский, мистический опыт:

По тучам иду, как по ниве, я,
 Свесься головою вниз
 В синих отражаюсь затонах
 Далеких твоих озер
 Вижу тебя Инония
 С золотыми шапками гор. [2; 67]

¹⁷ Лосев А.Ф. Философия имени. С. 771–772.

Инония – это есенинский *Небесный Иерусалим*, топос идеального бытия, житнетворческий миф Есенина. Обращаясь к Инонии, находясь с ней «в общении», Есенин «знает» ее имя и утверждает его в своем теургическом тексте – утверждает тем самым бытие самой Инонии: «<...> общение с вещью в разуме возможно только тогда, когда <...> субъект общения, будучи энергийно-оформлен, начинает сам самостоятельно пользоваться этой энергией, активно воплощая ее на себе и на других вещах, целиком, частично, адекватно или искаженно. Но это и значит, что субъект общения знает *имя* объекта общения. Природа имени, стало быть, магична»¹⁸.

Есенин рассматривал «Инонию» как часть более широкого творческого замысла: в анонсе газеты «Знамя труда» (1918, 7 апреля, № 174) она именовалась отрывком из поэмы «Сотворение мира» [<Комментарии> 2; 344]. В начале 1919 Есенин начал готовить для издательства ВЦИК сборник «Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте и невидимом граде Инонии» (сборник не выходил, см. об этом: 7 (3); 78–79)

То, что для Есенина Инония была реальным именем, свидетельствует в том числе адресованное Есенину открытое письмо В.Г. Шершеневича: письмо «в град ИНОНИЮ. Улица Индикоплова. Сергею Александровичу Есенину»¹⁹. В этом письме, несмотря на иронию, было отмечено, что у Есенина «самой <...> характерной чертой является строительство нового образа, поскольку он помогает строительству нового мира, хотя бы мира несуществующего»²⁰.

Здесь В.Г. Шершеневич по сути пересказывает самого Есенина, который в статье «Быт и искусство» писал об «именах незримого и имматериального»: «На образе эмоционального ангелизма держатся имена незримого и имматериального, когда они, только еще предчувствуемые, облакаются уже в одежду имени, например, чувство незримой страны “Ино-

¹⁸ Лосев А.Ф. *Философия имени*. С. 763.

¹⁹ Цит. по: Субботин С.И. <Комментарии> // [2; 358].

²⁰ Там же. С. 358.

ния» [5, 218–219]. Инония, говоря языком Лосева, была для Есенина именем мифа как «конкретнейшего и реальнейшего явления сущего»²¹ и как должная сверхреальность.

Воплощению этой сверхреальности и пресуществлению имени должно было способствовать «мистическое изографство». Так Есенин называл воспринятое от Андрея Белого и А.А. Блока теургическое искусство. Рождение этого искусства как искусства новой эпохи описано в поэме «Сельский часослов»:

Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...

Имя ему –
Израмитил. [4; 176]

Израмитил – имя с ветхозаветным контекстом²² и апокалиптическими аллюзиями²³: Русь – это и Богородица, и Жена, облеченная в Солнце. Через три года после написания «Сельского часослова» Есенин частично расшифрует имя Израмитил в неотправленном письме к Иванову-Разумнику. В этом письме (май 1921 г.) Есенин называет свои поиски поэтического языка «брожением» и объясняет Иванову-Разумнику: «И даже в поэме “Сельский часослов” назвал это мое брожение “Израмитил”. Тогда мне казалось, что это мистическое изографство» [6; 126]. Из содержания письма становится понятно, что под «мистическим изографством» Есенин понимал «преображение мира посредством образов» [6; 127]. Так через три года после создания поэмы «Сельский часослов» Есенин на мифопоэтическом эзотерическом языке объяснил, что имя

²¹ Лосев А.Ф. *Философия имени*. С. 771.

²² «...се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Эммануил» (Ис.7:14).

²³ «Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения» (Откр. 12:2).

«младенца», которого должна была «родить» Русь – это имя нового действенного искусства, цель которого – приближать воплощение инобытия Инонии в реальность.

Годом ранее, в 1920 Есенин писал своей приятельнице Е.И. Лившец: «Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений» [6, 116]. «Мир невидимый» – это «незримая страна Инония», которая должна была воплотиться в реальность после того, как Есенин «облек ее в одежду имени» в своей поэме. Теургическая миссия была сорвана. Трагедию Есенина тонко почувствовал В.Ф. Ходасевич: «Инония реальная должна была настать – или не настать. По меньшей мере, Россия должна была к ней двинуться – или не двинуться. <...>. Идеальной мужицкой Руси, в которую верил он, не было. Грядущая Инония, которая должна была сойти с неба на эту Русь, – не сошла и сойти не могла»²⁴.

Срыв теургической миссии развоплотил философию имени в художественном сознании Есенина. «Мое имя наводит ужас, / Как заборная, громкая брань» [1; 197], – от именованя себя «пророком» и новым Козьмой Индикопловом Есенин движется к «хулигану» и «черному человеку». В промежутке – собственное «я» в лирических обстоятельствах: «С приветствием, / Вас помнящий всегда / Знакомый ваш / Сергей Есенин [2; 125]. Эти лирические обстоятельства 1924 г., конечно, не могли быть подлинным материалом для того, кто развертывая свой жизнетворческий миф, писал в 1916 г.: «Пухнет Божье имя / В животе овцы» [1; 106]. Женский образ утрачивает тот софийный отсвет, который был на нем в ранней лирике. Вместе с этой утратой уходит и смысловая нагруженность *имени*, его внутренняя философская перспектива. «Что ж так имя твое звенит, / Словно августовская прохлада?», – остается сравнение как литератур-

²⁴ Ходасевич В.Ф. Есенин // Некрополь: Воспоминания. М.: Советский писатель, 1991. С. 123–154. С. 142; 153.

ный прием («Имя тонкое растаяло, как звук»), остается память о своем опыте религиозно-философской поэзии. Исчезает миф.

«Дева Русь» становится «Русью уходящей», «Русью советской», «Русью неприютной». В стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут» (1922) распад России и на физическом уровне, и на метафизическом уровне передан сначала изменением, а затем и графическим распадом самого слова, имени страны: «Ты, Рассея моя... Рас...сея... / Азиатская сторона!» [1; 170].

В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...», написанном в декабре 1924 г., за год до смерти, Россия вновь объективируется до уровня мифа и имени: «Что в далеком имени – Россия – / Я известный, признанный поэт» [1; 255]. Имени, с которым у «путника, в лазурь уходящего», уже утрачена связь.